

30 Апрелья

1867 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ПЯТЬ-РУБЛЕЙ СЕР.

I.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 10-й день текущаго мѣсяца, Любезнѣйшій
Сынъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александро-

вѣтъ, достигъ возраста, опредѣленнаго государственными основными законами для совершеннолѣтія Членовъ Нашею Императорскаго Дома, а сего дня, предъ лицемъ святой церкви и подъ знаменемъ чести, Онъ произнесъ торжественно, въ присутствіи Нашемъ, присягу на служеніе Намъ и Государству.

Благословляя Его съ чувствомъ родительской нѣжности, на подлежащее Ему отнынѣ столь важное и обширное поприще, Мы, съ непоколебимою вѣрою, возносимъ къ Всевышнему Богу усердныя моленія: да осѣняетъ и укрѣпляетъ Его на всѣхъ путяхъ жизни даромъ мудрости и правды къ возвеличенію могущества и славы Нашею Престола и отечества. Мы твердо увѣрены, что любезные Намъ вѣроподданные единодушно присоединятся къ симъ Нашимъ о Немъ молитвамъ, съ искренностію и усердіемъ, всегда исполняющими Наше сердце истинною отрадою.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 17-й день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмое, царствованія же Нашею въ тринадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

II.

РАСПОРЯЖЕНІЕ СВ. СУНОДА,

о введеніи преподаванія началъ педагогики въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія.

Святѣйшій Синодъ, признавъ весьма полезнымъ ввести въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія пре-

подаваніе началъ педагогики въ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія, на поприщѣ котораго трудятся многія изъ лицъ женскаго пола духовнаго званія, опредѣленіемъ отъ 9 января сего года, постановилъ: повсемѣстно въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія, существующихъ на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ способовъ, ввести преподаваніе воспитанницамъ старшихъ классовъ началъ педагогики, съ тѣмъ, чтобы свѣдѣнія по сему предмету были сообщаемы не въ видѣ строгой научной системы, но въ формѣ краткихъ совѣтовъ и наставленій; для практическаго же ознакомленія съ педагогическими приѣмами старшія воспитанницы занимались обученіемъ младшихъ подъ руководствомъ воспитательницъ и тѣхъ наставниковъ, на коихъ будетъ возложено преподаваніе педагогическихъ правилъ. На распространеніе же сей мѣры на училища дѣвицъ духовнаго званія, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, послѣдовало, по всеподданнѣйшему докладу господина синодальнаго оберъ-прокурора, въ 17 день минувшаго января, всемилостивѣйшее соизволеніе Ея Величества.

III.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О разсылкѣ и прочтеніи Высочайшаго Манифеста, о достиженіи Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, совершеннолѣтія, и о торжественномъ принятіи Имъ присяги.

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская Духовная Консисторія слушала указъ Святѣй-

шаго Сѣнода отъ 20 апрѣля сего года за № 19, о томъ, что Святѣйшій Правительствующій Сѣнодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената отъ 18-го тогожъ апрѣля за № 33,705, при коемъ приложенъ Высочайшій Манифестъ о достиженіи Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ совершеннолѣтія и о торжественномъ принесеніи Имъ присяги на служеніе Его Императорскому Величеству и Государству. Потому Святѣйшій Сѣнодъ, препровождая означенный Высочайшій Манифестъ, предписываетъ, разослать таковой въ потребномъ количествѣ при указахъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, для прочтенія въ церквахъ при молебствіи, о совершеніи коего прописано въ циркулярномъ указѣ Св. Сѣнода отъ 17-го числа мѣсяца апрѣля. Приказали: Съ препровожденіемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, послать указы благочиннымъ церквей и монастырямъ Литовской епархіи, а также Виленскому кафедральному Собору къ точному исполненію вышепрописаннаго указа Святѣйшаго Сѣнода. Г. Вильна. Апрѣля 28 дня 1867 года.

О совершеніи благодарственнаго молебствія по сему радостному случаю.

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская Духовная Консисторія слушали указъ Святѣйшаго Сѣнода отъ 17 сего апрѣля за № 18, о томъ, что Святѣйшій Сѣнодъ слушали предложенный Господиномъ исправляющимъ должность Сѣнодальнаго Оберъ-Прокурора церемоніаль присяги Его Импера-

торскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, по совершеннолѣтіи. Потому Святѣйшій Синодъ давая о семъ знать, предписываетъ, чтобы въ церквахъ обѣихъ столицъ въ назначенный день, а въ прочихъ городахъ и уѣздахъ Имперіи, послѣ предварительнаго, гдѣ должно, сношенія съ Гражданскимъ Начальствомъ, въ первый слѣдующій, по полученіи указаго предписанія, праздничный или воскресный день, совершить благодарственное молебствіе, съ обыкновеннымъ колокольнымъ звономъ; при чемъ въ каѳедральныхъ соборахъ совершить таковое самимъ Преосвященнымъ Архіереямъ, а въ градскихъ соборахъ и монастыряхъ Настоятелямъ соборнѣ. Приказали: Послать указы благочиннымъ церквей и монастырямъ Литовской епархіи, а также Виленскому каѳедральному Собору къ точному исполненію вышепрописаннаго указа Святѣйшаго Синода. Г. Вильна. Апрѣля 28 дня 1867 года.

О заведеніи при церквахъ лѣтописей.

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская Духовная Консисторія слушала указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 12 Октября 1866 года за № 1850, о томъ, что Святѣйшій Синодъ слушали отчетъ Преосвященнаго Оренбургскаго о состояніи ввѣренной ему епархіи въ 1865-году, въ коемъ Преосвященный Варлаамъ, между прочимъ, изъясняетъ о сдѣланномъ имъ по Епархіи распоряженіи, чтобы причты всѣхъ приходскихъ и соборныхъ церквей Оренбургской епархіи съ начала 1865 года вели церковныя лѣтописи, со внесеніемъ въ оныя, по-

слѣ историко-статистическихъ описаній церкви и прихода, всѣхъ замѣчательныхъ мѣстныхъ событій. Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе, что означенныя приходскія лѣтописи, при веденіи ихъ надлежащимъ образомъ, могутъ послужить, съ теченіемъ времени, матеріаломъ для исторіи церкви и отечества, опредѣлилъ: о вышеизъясненномъ распоряженіи Преосвященнаго Оренбургскаго циркулярно дать знать прочимъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ съ тѣмъ, что не признаютъ ли они возможнымъ и полезнымъ завести во ввѣренныхъ имъ епархіяхъ подобныя лѣтописи; статью же изъ отчета Преосвященнаго Варлаама, подробно объясняющую побужденіе, цѣль и самый порядокъ веденія приходскихъ лѣтописей, — припечатать во всеобщее извѣстіе въ журналѣ „Духовная Бесѣда,“ сообщивъ для сего редакціи означеннаго журнала ту статью, установленнымъ порядкомъ. На семъ указѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 3 ноября 1866 года за № 1641 послѣдовала такая: „Соображаясь съ мѣстными обстоятельствами и упоминаемою здѣсь статьею, предложенною къ напечатанію въ Духовной Бесѣдѣ, Консисторія представить мнѣ свое заключеніе, возможно ли и на какихъ основаніяхъ, по церквамъ Литовской епархіи, веденіе церковныхъ лѣтописей. Справка: статья Преосвященнаго Варлаама, подробно объясняющая побужденіе, цѣль и самый порядокъ веденія приходскихъ лѣтописей, изъ „Духовной Бесѣды“ пропечатана въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ № 2-мъ, подъ числомъ 31 января сего 1867 года. Приказали и Его Высокопреосвященство Митрополитъ Литовскій

и Виленскій утвердилъ: Соображая статью Преосвященнаго Варлаама съ мѣстными обстоятельствами Литовской Епархіи, какъ по событіямъ въ ней совершающимся, такъ и по развитію духовенства ея, Консисторія признаетъ, что заведеніе церковныхъ лѣтописей въ сей епархіи, примѣнительно изъясненной въ сказанной статьѣ программѣ, весьма полезно и вполне возможно. Но принимая во вниманіе, что лѣтописи пишутся для потомства, что они, обыкновенно, остаются памятниками современной имъ жизни, современнаго имъ духа и современныхъ имъ нравовъ, обычаевъ и повѣрьевъ; что за симъ, существенное достоинство лѣтописей состоитъ въ искренномъ и простодушномъ разсказѣ писателей о томъ, что видѣли они сами, что слышали отъ своихъ предковъ, что поражало ихъ умъ, ихъ вниманіе и ихъ любопытство,—Консисторія находитъ, что не каждый и изъ развитыхъ наукою священнослужителей способенъ къ веденію лѣтописи, и не у каждаго изъ нихъ можно вызвать предписаніемъ нужныя для сего качества. По сему Консисторія опредѣляетъ: предложить бѣлому и монашествующему духовенству Литовской епархіи, не согласится ли кто изъ онаго, по благому произволенію своему, вести лѣтопись на мѣстѣ служенія своего, начиная такую съ начала сего 1867 года, и слѣдую по мѣрѣ возможности и мѣстному усмотрѣнію своему программѣ, изъясненной, какъ показано въ справкѣ, въ статьѣ напечатанной въ № 2 Епархіальныхъ вѣдомостей сего года. Конечно, желательно, чтобы изъявившихъ на сіе согласіе оказалось, какъ можно, больше, и покрайней мѣрѣ по два—три въ каждомъ Благочиніи, и

хотя бы по одному въ каждомъ монастырѣ епархіи. Въ виду готовности духовенства Литовской епархіи на подвиги всякаго благотворнаго для церкви и Отечества дѣла, Консисторія увѣрена, что настоящее предложеніе епархіальнаго начальства будетъ принято къ исполненію каждымъ, сознающимъ себя достаточно на сіе уготованнымъ, что таковыхъ будетъ немало и что каждый взявшійся за трудъ этотъ, не ослабѣетъ въ должномъ усердіи къ нему, полюбитъ и не оставитъ его до конца жизни своей. Поелику же Консисторіи необходимо знать о лицахъ, которыя изъявляютъ готовность вести сказанныя лѣтописи, то о настоящемъ постановленіи давая знать всему духовенству Литовской епархіи циркулярно печатными указами, чрезъ благочинныхъ церквей и монастырей,—предписать симъ послѣднимъ донести, кто именно изъ подвѣдомыхъ имъ священнослужителей изъявитъ согласіе на веденіе сказанныхъ лѣтописей и готовность заняться симъ веденіемъ нынѣ, начиная повѣствованія свои съ начала текущаго года или съ впечатлѣній отъ дней юности своей? За полученіемъ сихъ донесеній—составить списокъ священнослужителямъ, которые изъявляютъ сказанное согласіе или готовность и таковой доложить Его Высокопреосвященству и имѣть въ виду, какъ для справокъ и повѣрки въ случаѣ нужды, такъ и при разсужденіяхъ о священнослужителяхъ тѣхъ по другимъ дѣламъ, касающимся личности и выгодъ ихъ. Г. Вильна апрѣля 30 дня 1867 года.

О пожертвованіяхъ на дѣло возстановленія христіанства на Кавказѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская Духовная Консисторія слушала отношеніе Г. Члена Управляющаго дѣлами совѣта общества возстановленія христіанства на Кавказѣ Графа Левашева отъ 30-го Апрѣля 1866 года за № 819, послѣдовавшее на имя Его Высокопреосвященства, о томъ, что въ минувшія времена господствующею религіею на всемъ пространствѣ Кавказа была Православная христіанская вѣра; между тѣмъ какъ нынѣ въ большей части Кавказа преобладаетъ магометанство со всеми враждебными къ Россіи элементами. Съ покореніемъ Кавказа правительство нашло возможнымъ дѣйствовать къ распространенію въ этомъ краѣ Православія и къ возстановленію его въ тѣхъ племенахъ, которыя издавна принадлежатъ къ церкви Христовой, но у которыхъ Православная вѣра по недостатку матеріальныхъ средствъ и вслѣдствіе географическаго положенія и историческихъ обстоятельствъ, пришла въ упадокъ. Для успѣха въ этомъ святомъ и важномъ, не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ отношеніи дѣлѣ, Государь Императоръ призналъ за благо призвать къ участію въ немъ всехъ ревнителей Православія, и для этого Высочайше соизволилъ повелѣть учредить въ Тифлисѣ, подъ верховнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, общество возстановленія Православнаго христіанства на Кавказѣ. Общество это современіи учрежденія его, т. е. съ 9-го іюня 1860-го года, неуклонно стремится

къ осуществленію возложенныхъ на него Высочайшею волею обязанностей, и по мѣрѣ матеріальныхъ и духовныхъ средствъ и силъ, состоящихъ нынѣ въ его распоряженіи, постепенно успѣваетъ въ достиженіи своей задачи. Но полное осуществленіе этой задачи, по обширности и многотрудности ея, требуетъ особенныхъ, чрезвычайныхъ матеріальныхъ средствъ. Его Императорское Высочество, Предсѣдатель Общества, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ извольтъ полагать, что Его Высокопреосвященство по высокому своему положенію и по вліянію на духовенство и на народъ, можетъ оказать въ этомъ отношеніи обществу содѣйствіе приглашеніемъ ревнителей благочестія къ вещественному или денежному въ пользу его пожертвованію. Съ этою цѣлію Его Императорское Высочество поручилъ Его Сіятельству Графу Левашеву препроводить къ Его Высокопреосвященству 14 экземпляровъ отчетовъ общества возстановленія Православнаго христіанства на Кавказѣ, за 1862—1863 и 1864 годы, въ двухъ книгахъ, и просить Его Высокопреосвященство, экземпляры эти роздать лицамъ, извѣстнымъ своею благотворительностію. При этомъ Его Высочество надѣется, что Его Высокопреосвященство ознакомитъ подвѣдомственное ему духовенство съ заключающимися въ этихъ отчетахъ мыслями и свѣденіями о дѣятельности общества и употребитъ возможные съ своей стороны мѣры къ усиленію сбора добротныхъ пожертвованій въ учрежденныхъ при церквахъ подвѣдомственной Его Высокопреосвященству епархіи—кружкахъ. На семъ отзывѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 1-го іюня 1866 года

за № 820 послѣдовала такая: „Вмѣстѣ съ приложен-
 „ными книгами отчета передается въ Консисторію,
 „которая по надлежащимъ справкамъ съ дѣломъ по
 „настоящему предмету, сдѣлаетъ удовлетворительное
 „по сему отношенію распоряженіе.“ Справка: Деньги,
 поступившія въ кружки, учрежденныя при церквяхъ
 Литовской епархіи въ пользу общества возстановле-
 нія Православія на Кавказѣ, отосланы изъ сей Кон-
 систоріи въ канцелярію Намѣстника Кавказскаго края
 слѣдующихъ чиселъ, времени и въ слѣдующемъ коли-
 чествѣ: 17 марта 1861 года за № 2765-мъ 129 руб.
 81¹/₄ коп., 13 марта 1862 г. за № 2386-мъ 160 руб.
 5 коп.; 22-го марта 1863 г. за № 1986-мъ 137 руб.
 68 коп.; 19 марта 1864 года за № 2039-мъ 137 руб.
 25¹/₄ коп.; 27 марта 1865 г. за № 2707-мъ 115 руб.
 63¹/₄ коп.; 13 ноября 1865 г. за № 9586-мъ 15 руб.
 45¹/₂ коп. и 17 мая 1866 г. за № 3914-мъ 89 руб. 2¹/₄
 коп.; всего 784 руб. 90¹/₂ коп. Приказали: и Его
 Высокопреосвященство Митрополитъ Литовскій и Ви-
 ленскій утвердилъ: По дѣлу возстановленія и распро-
 страненія Православія между окатоличеннымъ и опо-
 лаченнымъ народонаселеніемъ западной окраины Рос-
 сіи, Литовская епархія находится въ положеніи, во
 многихъ отношеніяхъ похожемъ на Кавказъ, а посему
 и нужды сей епархіи почти тѣ же, какъ и общества
 возстановленія Православія на Кавказѣ. Это сближе-
 ніе въ положеніяхъ съ одной стороны вызываетъ жи-
 вѣйшее сочувствіе наше къ ревности Кавказскихъ
 дѣятелей по праотеческой вѣрѣ и любезному отече-
 ству—Россіи, какъ къ дѣлу одной съ нами задачи и
 одинаково дорогому для Православно-русскаго сердца;

но съ другой стороны, не даетъ возможности принести матеріальную помощь въ облегченіе собратнихъ нуждъ, которыми страдаемъ сами, тѣмъ болѣе, что посреди насъ нѣтъ Православно-русскихъ землевладѣльцевъ и купцовъ: заря появленія ихъ на горизонтѣ западной окраины Россіи восходитъ лишь въ настоящее время. Почему неудивительно, что ежегодная кружечная лѣпта Литовской епархіи, приносимая обществу возстановленія Православія на Кавказѣ, ни разу немогла возвыситься даже до 200 руб. и начиная съ 1861 года по настоящій годъ принесено и отослано по принадлежности всего только 784 руб. и 90¹/₂ коп. сереб. Но уповая на помощь Божию въ дѣлѣ благотворномъ для церкви и отечества, и рассчитывая на сочувствіе къ собратіямъ одинаковыхъ стремленій, Консисторія опредѣляетъ пригласить духовенство своей епархіи, чрезъ печатные указы всѣмъ благочиннымъ церквей и монастырей и каѳедральнаго собора, къ усиленію dobroхотныхъ пожертвованій и кружечнаго сбора на предметъ возстановленія Православнаго христіанства на Кавказѣ; для ближайшаго же ознакомленія сего духовенства, а чрезъ него, и духовныхъ паствѣ его, съ предметомъ дѣятельности и нуждъ общества сказаннаго возстановленія, и для возбужденія, посредствомъ такового ознакомленія, большаго усердія къ реченному усиленію пожертвованій и сбора, разослать препровожденные 14-ть экземпляровъ отчета общества возстановленія Православія на Кавказѣ по мѣстамъ болѣе населеннымъ людьми православнаго исповѣданія и учрежденіямъ болѣе вліятельнымъ по своей дѣятельности, а именно: по одному

экземпляру кафедральному собору, и благочиннымъ: Виленскому, Дисненскому и Лидскому,—Виленской губерніи; Гродненскому, Брестскому, Бѣльскому, Слонимскому, Кобринскому и Пружанскому — Гродненской губерніи, и Ковенскому; а также препроводить по одному экземпляру въ редакцію Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и Виленское Свято-духовское Православное братство, прося первое изъ сихъ учрежденій, пропечатать въ своемъ изданіи, или въ видѣ прибавленія къ оному, хотя бы нѣкоторыя извлеченія изъ онаго отчета, по своему усмотрѣнію объ обобщеніи въ епархіи заключающихся въ ономъ свѣдѣній; а второе— не найдетъ ли возможнымъ и оно принести лѣпту свою на пользу подобнаго ему общества или расположить къ такому принесенію извѣстныхъ ему ревнителей Православно-русской народности и благотворителей церкви. Одинъ же экземпляръ оставить въ Консисторіи. Г. Вильна. Апрѣля 6 дня 1867 года.

IV.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМАТА

о пожалованіи Преосвящ. Александру, Еп. Ковенскому, Викарію Литовской епархіи, Императорской Короны на знакъ ордена св. Анны 1 степени.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая и прочая и прочая.

Преосвященному Александру, Епископу Ковенскому, Викарію Литовской епархіи.

Въ ознаменованіе Монаршаго вниманія къ ревностному служенію и отличному исполненію возлагаемыхъ на васъ обязанностей, по засвидѣтельствуванію о семъ Митрополита Литовскаго, Всемиловѣйше пожаловали Мы вамъ знаки Императорскаго Ордена Нашею Святыя Анны первой степени, украшенные Императорскою Короною, которые, при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываетъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

Въ С.-Петербургѣ,
16 Апрѣля 1867 года.

V.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО

Высокопреосвящ. Митрополита Московскаго Филарета, по случаю прибытія Его Императорскаго Величества въ Москву.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ пишутъ: въ день торжественнаго вшествія Государя Императора съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государыней Цесаревной и съ Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ въ Москву, митрополитъ Московскій, по своей болѣзни не имѣя возможности привѣтствовать Его Величество предъ вступленіемъ въ Успенскій соборъ, имѣлъ счастье въ то же утро привѣтствовать Его Императорское Величество всеподданнѣйшимъ письмомъ. 24 дня Государь Императоръ

съ Ихъ Императорскими Высочествами, удостоивъ посѣщенія митрополита, изъявилъ соизволеніе, чтобъ означенное письмо приведено было въ извѣстность.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО:

Благочестивѣйшій Государь!

Пророкъ, изобразивъ счастье отца семейства свѣтлою чертою:—*сынове твои, яко новосажденія масличная*,—велѣдъ за тѣмъ произнесъ законъ, по которому сіе счастье даруется Провидѣніемъ Божиимъ. *Се тако благословится человекъ бояйся Господа.*

Видимо сіе благословеніе надъ Тобою, Благочестивѣйшій Государь! Се, близъ Тебя, Твой Благовѣрный Сынъ и Наслѣдникъ, уже не только цвѣтушій, *яко новосажденіе*, но и готовый приносить плоды высокаго служенія Тебѣ и Твоему Царству и съ Нимъ цвѣтущая Отрасль другой Царской Семьи, соединенная съ Нимъ священнымъ союзомъ, въ надеждѣ продолженія дарованнаго Тебѣ благословенія. Съ Тобою и еще Твой Благовѣрный Сынъ (предваряющій другихъ), уже достигшій въ возрастъ мужа и недавно давшій обѣтъ свойственнаго Ему служенія Тебѣ и Твоей Державѣ.

Свѣтло видитъ сіе срътающая Тебя столица; и гласъ пророка отражается торжественно въ ея сердцѣ: *се тако благословляется Царь бояйся Господа!*

Введи новую, возлюбленную Тебѣ и Россіи, Благовѣрную Чету во храмъ Твоего Царскаго освященія: и отъ вѣковъ въ немъ призываемая и обитающая благодать да осѣнитъ оную, вмѣстѣ съ Тобою, новымъ благословеніемъ жизни и благоденствія, да продолжитъ благословенный Садъ Твоего Царскаго Дома и во гря-

душія времена приносить вождельнныя плоды благочестія, добродѣтели, царственной мудрости, правды, милости, и, наконецъ, счастія семейственнаго и все-народнаго.

Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій всемиранный

Филаретъ митрополитъ Московскій.

VI.

Е Л О В О

на день св. Виленскихъ мучениковъ: **Антонія, Иоанна и Евстаѳія**, произнесенное въ церкви Виленскаго Свято-Духова монастыря, гдѣ св. **Мощи сихъ мучениковъ почиваютъ (*).**

Глагола Иисусъ ученикамъ своимъ:
предъ владыки и цари ведени будете
Мене ради, во свидѣтельство имъ, и
языкомъ (Мате. 10, 18).

Въ наше время, сл. хр., можно встрѣчать не мало такихъ людей, которые будучи увлечены не малымъ успѣхомъ наукъ, основанныхъ на опытѣ, и въ разныхъ отрасляхъ научнаго изслѣдованія, неподдающихся внѣшнему наблюденію, нехотятъ довѣрять ничему другому, какъ только тому, что можно изслѣдовать опытомъ на дѣлѣ. Для нихъ лишь только такимъ путемъ добытая истина имѣетъ полнѣйшій признакъ несомнѣнности, все же прочее въ области научнаго изслѣдованія, не опирающееся на фактахъ, есть порожденіе мечтательнаго разума, слѣд. мнимое, а недѣйствительное, кажущееся, а недѣйствительно существующее. Такое направленіе нѣкоторыхъ

(*) Память Св. Виленскихъ мучениковъ празднуется 14 апрѣля; нынѣ же по случаю Великаго Пятка въ это число, праздникъ св. Виленскимъ мученикамъ совершался 18 Апрѣля.

изслѣдователей истины, хотя не новое и въ предшествовавшія времена развивавшееся и падавшее, теперь опять входитъ въ силу и находить себѣ не мало послѣдователей и поборниковъ. Понятно, какъ оно заявить и дѣйствительно заявляетъ себя въ отношеніи къ области религіи, не чуждой таинственныхъ истинъ, основывающихся на авторитетѣ Божественнаго ума, или же такихъ, которыя могутъ быть постигнуты и изъяснены умомъ, предпочищеннымъ отъ грѣха, какъ лжи. Если по этому направленію все, находящееся внѣ возможности провѣрить внутреннимъ или внѣшнимъ чувствомъ, наблюденіемъ, есть мечта, не истинно существующее; то очевидно отсюда вытекаетъ слѣдствіе отрицательное по отношенію къ религіозной истинѣ. Тѣмъ то особенно и опасно это направленіе, что изъ самой сущности его вытекаетъ стремленіе—кругъ человѣческаго вѣдѣнія ограничить предметами, подлежащими наблюденію въ широкомъ смыслѣ этого слова и выкинуть изъ него все, основывающееся на чистомъ умозрѣніи и вѣрѣ.

На самомъ же дѣлѣ, слущ. хр., истина Христова ученія хотя не чужда таинственности, стоящей выше умозрѣнія и усвоиваемой только вѣрою; однако она имѣетъ за себя рядъ такихъ доказательствъ, столь осязательныхъ, которыя не могутъ быть отринуты умомъ, въ дѣлѣ изслѣдованія основывающимся на одномъ наблюденіи. Она имѣетъ свою исторію,—а исторіи отрицать нельзя,—на скрижаляхъ которой изображены такія событія, въ которыхъ отображается несомнѣнность Христіанскаго ученія. Для осязательныхъ доказательствъ въ пользу Христіанской истины нѣтъ нужды открывать все исторически прошлое; примѣнительно къ настоящему воспоминаемому событію, достаточно указать на явленіе мученичества въ церкви Христовой. И мы, сл. хр., собравшись къ покоищу св. здѣсь Мучениковъ, которыхъ тѣлеса почиваютъ нетлѣнными предъ нами, имѣемъ несомнѣнное *свидѣтельство* за имя Христово. Покойща мучениковъ во всѣ времена христіанства служили

и служить училищемъ, гдѣ каждый простой и ученый, имѣя предъ собою наглядное доказательство Божественной благодати, дѣйствующей въ немощномъ сосудѣ человѣческомъ, долженъ убѣждаться въ истинѣ Христовой. Посмотримъ же, чѣмъ и насколько для насъ поучительно явленіе мученичества въ церкви Христовой?

Иной мыслитель, привыкшій во всемъ видѣть стеченіе простыхъ обыкновенныхъ причинъ и не научившійся возноситься умомъ до причинъ Божественныхъ, и въ мученичествѣ признаетъ явленіе естественное, подготовленное предшествующими обстоятельствами, какъ противорѣчіе отжившему духу времени. Согласимся, что когда въ области духа встрѣтятся два противоположныя направленія, то естественно между новымъ и старымъ происходитъ борьба за право господства. Старое, какъ пріобрѣтшее себѣ авторитетъ давности, не хочетъ уступить новому; а новое, чувствующее въ себѣ свѣжесть силъ, силится замѣнить старое, какъ отжившее. Но если, сл. хр., вникнемъ въ удивительное безстрастіе послѣдователей Христовыхъ, за имя Христа подвергавшихся безчеловѣчнымъ мученіямъ, сообразимъ, насколько они были слабы до знакомства съ Христіанскою истиною, и сильны, когда содѣлались Христіанами,—примемъ во вниманіе, что имъ ученіе, которое они отстаивали, ничего необѣщало въ настоящемъ, а только въ будущемъ и то по смерти; то въ мужественномъ ихъ перенесеніи мученій должны признать недостаточность дѣйствія силъ человѣческихъ. Слабость силъ человѣческихъ, неподкрѣпленныхъ Божественною благодатію, показали на себѣ ученики Господа, когда они въ саду Геосиманскомъ разбѣжались, оставивши своего Учителя въ рукахъ воиновъ. Но вотъ проходитъ нѣсколько дней,—и тѣже ученики, не страшась за свою участь, съ мужествомъ исповѣдываютъ свои религіозныя вѣрованія и хотятъ, чтобы другіе были ихъ послѣдователями. Что за чудная перемѣна происходитъ въ ихъ духѣ? Ихъ

буютъ, а они радуются — что за чудное душевное состояніе? Боль и радость—двѣ противоположности, по-видимому несомѣстимыя по естественнымъ законамъ, между прочимъ въ духѣ послѣдователей Христа совмѣщаются. Какое мы найдемъ естественное начало для соединенія этихъ противоположностей, если недопустимъ начало Божественное, руководившее страдальцами за Христа? Иудейское и языческое общество, не только въ лицѣ своихъ представителей, но и большинства толпы, слишкомъ враждебно отнеслись къ послѣдователямъ Христа. Полились ручьи крови человѣческой, умъ языческаго міра надломлялся въ изобрѣтеніи казней, дабы задушить общество послѣдователей Христовыхъ. Самъ адъ напрягалъ все свои силы въ противодѣйствіи успѣху христіанской истины. И что же? этимъ только оправдывалась и оправдывается сила Божественнаго изрѣченія: *созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей*. Кровь мучениковъ послужила къ умноженію послѣдователей Господа; потому что лучшая часть язычества, изумленная невиданнымъ дотошъ самоотверженіемъ страдальцевъ, перенесеніемъ страданій, превышающихъ силы человѣческія, убѣждалась въ святости тѣхъ вѣрованій, которыя отстаивали мученики Христовы. Эта сила убѣдительности какъ въ то время, такъ и теперь присуща страданіямъ мучениковъ за имя Христа. И кто знаетъ, промыслу Божию сохранять останки св. мучениковъ благоугодно, быть можетъ, по той причинѣ, чтобы они для грядущихъ временъ служили нагляднымъ доказательствомъ Божественности истинъ Христовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если число послѣдователей Господа, не смотря на потоками льющуюся кровь, не разсыпалось, но болѣе и болѣе умножалось и наконецъ восторжествовало побѣду, то это торжество—дѣло Божіе. Но не такъ бываетъ съ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Это еще замѣтилъ Гамаліиль, законоучитель честенъ всемъ людямъ, когда онъ отклонялъ синадріонъ отъ намѣренія

причинить Апостоламъ насиліе, говоря: *мужіе израиль-
тяне, внимайте себѣ о чловѣцѣхъ сихъ, что хотите
сотворити. Предъ сими бо деньми воста Оевда, глаголя
быти велика нѣкоего себе, емуже прилѣпихася числомъ
мужей яко четыреста: иже убіенъ бысть, и вси, елицы
повинушася ему, разыдошася и быша ничтоже. Посемъ
воста Гуда Гамилеанинъ.... и той погибъ и вси, елицы по-
слушаша его, разсыпашася. И нынѣ глаголю вамъ: от-
ступите отъ чловѣкѣхъ сихъ и оставите ихъ, яко аще
будетъ отъ чловѣкѣхъ советъ сей, или дѣло сіе, разорится;
аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то* (Дѣя.
5, 34—39). Въ языческомъ мірѣ были мыслители, осно-
вывали школы, собирали около себя учениковъ, строили
остроумныя системы, встрѣчали похвалу со стороны слуша-
телей—и что же?—сходилъ съ поприща дѣятельности учи-
тель, а ученики или разсѣвались, или же, подчинившись
вліянію другаго учителя, не только не находили въ себѣ
побужденія охранять направленіе перваго, но даже со вре-
менемъ вступали въ противорѣчіе ему. Но не такъ съ
обществомъ церкви Христовой. Это общество, сперва
малочисленное, вдругъ возрастаетъ и распространяется
не смотря на страшныя гоненія. Оно, основанное на кро-
вавой смерти Божественнаго Страдальца, обогренное кро-
вію мучениковъ, во всѣ времена одерживаетъ побѣду надъ
противоположнымъ направленіемъ, такъ что врата адовы
остаются безсильными одолѣть церковь Христову и такими
пребудутъ, за что ручается не только Божественное обѣ-
тованіе, но и девятнадцатилѣтній авторитетъ Церкви. А ког-
да является противоположное направленіе съ злымъ намѣ-
реніемъ подкопаться подъ основаніе церкви и по видимому
производитъ охлажденіе въ ея членахъ къ ученію Христа; то
это охлажденіе, будучи временнымъ, нерѣдко смѣняется пла-
меннымъ рвеніемъ за вѣрованіе церкви, возбуждающимъ от-
вращеніе къ духу отрицанія. Что же это за тайная сила, дви-
гающая послѣдователей Христа и облакающая ихъ во всеору-

жизни на брань и одолѣніе духа отрицанія? Эта сила есть истина, присущая церкви Христовой. Ложь, какъ бы она ни замаскировалась, рано или поздно должна обнаружиться, и чѣмъ хитрѣе она скрывалась подъ оболочкою правды, тѣмъ противнѣе она становится послѣ своего обнаруженія; кромѣ того, какъ бы она искусно ни замаскировалась, у ней, по причинѣ отсутствія нравственной силы, никогда недостатка не будетъ на столько привлекательности, чтобы ея послѣдователи всѣмъ существомъ своимъ были привязаны къ ней до самоотверженія. Лишь только одна истина вѣчная, неизмѣнная, сама себя равная можетъ служить незыблемымъ основаніемъ для религіозно-нравственной жизни человѣка; внѣ же истины все измѣнчиво, непрочно и неплодотворно; гдѣ нѣтъ истины, тамъ нѣтъ силы, потому что истина — вседѣйствующая сила.

Мученики церкви Христовой переносили страданія за ученіе Христово; значить, оно для нихъ было на столько дорого, что они лучше соглашались лишиться жизни по плоти, чѣмъ измѣнить своимъ вѣрованіямъ. По видимому, странно: человѣкъ любитъ жить настоящимъ, а въ настоящемъ—то ученіе Іисуса Христа не полагаетъ своей цѣли; оно призываетъ своихъ послѣдователей къ трудамъ, лишеніямъ, тяжелой борьбѣ съ самимъ собою и нескрываетъ сего предъ своими послѣдователями, а прямо имъ говоритъ, что имъ подобаетъ идти *узкими вратами*, что нужно отказаться отъ себя и взять крестъ Христовъ. Какъ отказаться отъ самаго себя, взять крестъ Христовъ,— какое тяжелое призваніе! Между прочимъ это-то ученіе пріемлется, и не только пріемлется, но даже до кровавой смерти защищается человѣкомъ, повидимому, болѣе склоннымъ идти по широкому пути и искать удобствъ жизни. Какія повидимому несовмѣстимыя крайности! Но для уразумѣнія сего, сл. Хр., слѣдуетъ обратить вниманіе на соотношеніе ученія Христова и природы человѣка, въ силу котораго первое такъ и драгоцѣнно для послѣдняго. Истина Христова ученія не есть какая нибудь

теорія, которая, входя въ жизнь человѣка, въ природѣ самаго человѣка не находила бы ничего благороднаго, на что бы она могла подѣйствовать и къ чему бы она могла привиться. Иначе бы и Божественная сила, присущая истинѣ, оставалась бездѣйственной. На самомъ же дѣлѣ и Слово Божіе и самонаблюденіе показываютъ, что человѣкъ пораженъ зломъ, но въ то же время есть въ немъ и стремленія высшія, именно къ добруму, истинному и прекрасному, такъ что скажемъ словами одного церковнаго писателя: „душа въ существѣ своемъ Христіанка,“ т. е., требованія Христова ученія присущи душѣ человѣка съ тою только особенностію, что добрыя требованія, въ природѣ человѣка, безъ высшаго Руководителя, перемѣшиваются и ослабляются стремленіями злыми. Но если есть требованія; то они должны искать себѣ удовлетворенія, соотвѣтствующаго силѣ требованій, а сила ихъ такова, что чѣмъ болѣе она удовлетворяется, тѣмъ болѣе становится ненасытною и воспламеняющеюся жаждою удовлетворенія. И духъ человѣка, такъ или иначе, будетъ искать сего удовлетворенія. Но всѣ пути, избранные самымъ человѣкомъ для удовлетворенія своихъ высшихъ стремленій, оказываются не надежными. Такъ изъ таковыхъ путей повидимому надежнѣйшій—именно философія вѣка сего оказалась несостоятельною. Гдѣ же надежнѣйшій источникъ сего удовлетворенія—источникъ никогда неизсякаемый, вѣчно новый и неубывающій? На этотъ вопросъ даютъ осязательный отвѣтъ мученики церкви Христовой. Они, познакомившись съ ученіемъ Христа, на столько нашли въ немъ удовлетворенія жаждущему истины духу, что въ немъ полагали свою жизнь и истинное пріобрѣтеніе, въ силу котораго *вовсемъ скорбяще, но нестужающе си: нечаеми, но неотчаяваемы, гоними, но неоставляеми, низлагаеми, но непогибающе* (2 Кор. 4, 8). Ощущеніе такого удовлетворенія на столько сильное, что способно проявиться въ подвигахъ мученичества, служить нагляднымъ доказательствомъ силы Хри-

стовой истины, способной удовлетворить благороднѣйшей природѣ человѣка. Если мученики Господа страдали за истину Его; то значить—они сознавали, что эта истина такая, которая стоитъ выше ихъ страданій; иначе безъ этого сознанія не возможна была ихъ твердость въ мученіяхъ. Но иной невѣръ, пожалуй, скажетъ, что и фанатики тоже иногда дѣлаютъ, однако же ихъ упорная твердость не есть признакъ несомнѣнности ихъ вѣрованій, которыя они отстаиваютъ. Но иное дѣло—фанатическое упорство, и иное дѣло—мученичество въ церкви Христовой. Въ основаніи перваго всегда лежитъ сама личность человѣка, его самолюбивое я, или же нерѣдко невѣжество: но не то съ мученичествомъ. Мученики, въ своихъ страдальческихъ подвигахъ, умерщвляли свое я и вмѣняя себя за ничто, охраняли только Божественную главу—Христа. Притомъ мученичество—явленіе въ церкви невременное, но такъ, или иначе непрерывающееся. Если бы въ основаніи его лежала ложь, то ужели бы опытъ столькихъ вѣковъ неотрезвиль человѣческой умъ? Нѣтъ, невозможно, чтобы ложь неизмѣнно царствовала надъ человѣческимъ умомъ. Даже тѣ, которые оторвались отъ почвы Христова ученія, хвалясь своими новоизмышленными идеями, сами невольно подчиняются его вліянію—и сами незамѣчая, какъ они обкрадываютъ христіанскую истину. Да иначе и не можетъ быть: потому что кто разъ услышалъ истину Христову, созналъ ее; тотъ не можетъ совсѣмъ оторваться отъ нея, хотябы и подчинился иному направленію; въ противномъ случаѣ это значило бы отказаться отъ лучшихъ требованій своего духа, что равняется самоотрицанію. Послѣ того понятнымъ становится, что заставляло мучениковъ съ удивительною твердостью переносить страданія, когда заставляли ихъ отказаться отъ истины Христовой.

Поучительно, сл. Хр., то, что празднованіе въ честь здѣсь почивающихъ св. мучениковъ сочеталось съ другимъ свѣтлѣйшимъ праздникомъ, именно Воскресенія Христова.

Истина Христова Воскресенія есть основаніе для всей христіанской истины. *Аще Христосъ не воста, суетна вѣра наша; убо и умершій во Христѣ погибоща*“ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 15, 17, 18). И такъ частнѣе, истина Христова Воскресенія предполагаетъ истину нашего воскресенія и наоборотъ, и потому ученіе о воскресеніи нашемъ есть также основная истина всей истины Христовой. *Аще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окалннѣвши всѣхъ человекъ есмы*, говоритъ тотъ же Апостолъ (ст. 19). Этою истиною утѣшались св. мученики въ своихъ мученіяхъ, будучи увѣрены, что Присносущный силенъ воскресити кожу, терпящую страданія. Этой увѣренности, окрилявшей духъ св. мучениковъ, засвидѣтельствованной исторіею, не можетъ отрицать и мыслитель, основывающій свои сужденія на фактахъ, потому что это — фактъ. И хотя истина воскресенія мертвыхъ исполнена таинственности и стоитъ выше всякаго умозрѣнія человѣческаго, но несомнѣнность ея тѣмъ не менѣе можетъ опираться на всемогущество Божества, содержащемъ въ себѣ всѣ законы естества, доказательства чего мы имѣемъ предъ своими глазами. Мы, сл. Хр., видимъ, какъ въ телесахъ св. мучениковъ, здѣ почивающихъ нетлѣнными, всемогущество Божіе торжествуетъ надъ законами разрушенія человѣческаго естества—законами, прившедшими въ міръ не отъ Творца, но появившимися вмѣстѣ съ грѣхомъ. Если же мы видимъ наглядно это торжество всемогущества Божія надъ законами тлѣнія въ данномъ случаѣ; то почему же въ другомъ случаѣ не допустить того же торжества? Если хотимъ быть послѣдовательными; то, допустивши первое, не можемъ не допустить и послѣдняго. Но первое такъ очевидно, что лишь только преднамѣренно смѣжившій свои очи можетъ невидѣть его очевидности; слѣдовательно и послѣднее имѣетъ свою силу. Вмѣсто того, чтобы израсходовать силы разума на попытки объяснить нетлѣніе тѣлесъ св. мучениковъ, здѣ лежащихъ, и другихъ угодниковъ Бо-

жихъ — такое явленіе, которое никакъ не можетъ быть объяснено по законамъ естества, возблагоевъемъ предъ всемогуществомъ Божиимъ, содержащимъ въ своей власти законы естества и почтимъ тѣлеса св. Мучениковъ, удостоившіяся сдѣлаться сосудомъ Божественной благодати.

Кромѣ вселенскаго значенія, какое подвиги мученичества имѣютъ въ дѣлѣ свидѣтельства истины Христовой, частіе нынѣ воспоминаемые, здѣсь почивающіе, св. Мученики имѣютъ неоспоримый авторитетъ въ дѣлѣ оправданія исторической истины относительно здѣшняго края. Они служатъ памятникомъ той исторической истины, что, когда народъ Литовскій еще былъ язычествующимъ, его впервые коснулся свѣтъ православнаго ученія, что православное ученіе здѣсь имѣетъ за собою большій авторитетъ давности, чѣмъ какое либо другое инославное вѣроученіе. Это — памятникъ, изображенный не на хартіяхъ древности, доступныхъ только меньшинству, но очевидный для каждого, общедоступный, созданный рукою Вышняго, и слѣдовательно несокрушимый. Объ этотъ памятникъ сокрушалась и сокрушится всякая ложь общества, непріязненнаго дѣлу православія. Отсюда исходитъ Божественная сила, вдохновляющая борцовъ Православія противъ недруговъ его, помогающая первымъ предупреждать и распутывать козни послѣднихъ, и подкрѣпляющая первыхъ въ борьбѣ, производимой оружіемъ болѣе духовнымъ, чѣмъ вещественнымъ, слѣдов. въ борьбѣ тяжелой и опасной. А такъ какъ, сл. Хр., нельзя отдѣлять Русской народности отъ Православія, и послѣднее для первой служить отличительнымъ ея признакомъ; то этотъ памятникъ есть знакъ торжества не только религіознаго, но и народнаго, и потому онъ дорогъ для каждого изъ насъ не только какъ послѣдователя Православной Вѣры, но и какъ гражданина.

Такимъ образомъ, сл. Хр., собравшись въ это святое мѣсто почтить память св. здѣсь почивающихъ Мучениковъ, да не изыдемъ отсюда не вдохновленными Божественною

истиною и историческою правдою. Да подражаемъ святымъ Мученикамъ въ послѣдованіи за истиною Христовою и защищеніи ея отъ нападеній враговъ такъ, чтобы ни скорбь, ни нагота, ни гладъ, ни смерть, ни ина какая тварь не могли отдѣлить насъ отъ любви Божіей и истины Православной Церкви. Богъ же молитвами св. Мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія да подастъ намъ свою всесильную помощь на всякое дѣло благое. Аминь.

Профессоръ Семинаріи и законоучитель Виленскаго училища двѣицъ духовнаго званія священникъ Николай Дмитревскій.

VII.

О ХАРАКТЕРѢ ПРАВОСЛАВІЯ

въ сравненіи съ римскимъ католичествомъ и протестантствомъ.

Церковь Христова, если разсматривать ее въ отношеніи къ ея назначенію, есть продолжательница на землѣ искупленія, совершеннаго для всѣхъ людей Иисусомъ Христомъ. Она основана Господомъ для того, чтобы въ теченіи временъ въ ней и чрезъ нее люди усвоили себѣ совершенное Спасителемъ для нихъ искупленіе, приобрѣтали Его внутренно, — она учреждена возродить людей, или, выражаясь иначе, субъективно совершить для челоувѣчества то, что объективно совершилъ для нихъ въ опредѣленное время Сынъ Божій. Понятно, что и способъ, какъ церковь можетъ и должна усвоить людямъ искупленіе, тотъ же самый, какой благоволилъ избрать для этого Сынъ Божій. А этотъ способъ состоитъ въ томъ, что Единородный Сынъ Божій воплотился, принялъ челоувѣческое естество въ ѵпостасное единеніе съ Божествомъ, — но безъ смѣшенія того и другаго. Какъ Божественное естество въ воплощеніи и по воплощеніи осталось Божественнымъ; такъ и челоувѣческое, обожившись въ ѵпостасномъ едине-

ни съ Божествомъ, осталось человѣческимъ. И въ Церкви Христовой, какъ и въ Богочеловѣкѣ, такъ сказать, два естества: Божественное—благодатныя дѣйствія и положительно данное церкви откровенное ученіе,—и человѣческое, это люди со всѣми проявленіями ихъ жизни. Оба эти элемента должны находиться въ высочайшей гармоніи, приближающейся къ ѵпостасному единенію Божества и чело-вѣчества въ Иисусѣ Христѣ. Церковь, какъ продолжательница дѣла искупленія, должна усвоить его людямъ, возродить ихъ со всѣми проявленіями ихъ жизни, проникнуть внутренно все человѣческое Божественнымъ, возродить его по началамъ христіанства, вдохнуть во все духъ Христовъ; но при этомъ внутреннемъ проникновеніи чело-вѣчества христіанствомъ—началомъ Божественнымъ—человѣческій элементъ церкви долженъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть по своей природѣ, не долженъ утрачивать свою самобытность и самодѣятельность и не долженъ выдавать себя потомъ за Божественное начало,—долженъ оставаться тѣмъ, чѣмъ было человѣческое естество въ Иисусѣ Христѣ, потому, что только подъ этимъ условіемъ чело-вѣческій элементъ и можетъ внутренно проникнуться Божественнымъ и чрезъ него возродиться. Въ такой гармоніи, указуемой намъ и постояннымъ единеніемъ Божества и чело-вѣчества въ Иску-пителѣ, должны находиться въ истинной церкви ея элементы: Божественный—возраждающій и обновляющій, и чело-вѣческій—искупленный Иисусомъ Христомъ и возраждаемый въ церкви. И только оставаясь вѣрно этому высочайшему иде-алу, Церковь можетъ быть истинною продолжательницею искупленія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ. Какъ скоро какая либо церковь нарушаетъ эту гармонію и даетъ перевѣсъ, преобладаніе напр. чело-вѣческому предъ Боже-скимъ, она уже отступаетъ отъ истины.

Если съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть на римское католичество, протестантство и Православіе; то найдемъ, что въ первомъ чело-вѣческое беретъ перевѣсъ

надъ Божескимъ, во второмъ—думаютъ—Божественное чуть не уничтожаетъ человѣческаго,—и что только Церковь Православная избѣжала той и другой крайности и вполне сохранила цѣлость и гармонію Божескаго и человѣческаго, ни послѣдняго не возводила на степень перваго, ни перваго не низводила до уровня послѣдняго. Разсмотримъ римское католичество и протестантство для того, чтобы при небольшомъ сопоставленіи ихъ принциповъ, по возможности, выяснить характеръ Православія.

Съ перваго взгляда представляется страннымъ, какимъ образомъ въ римскомъ католичествѣ можно находить преобладаніе человѣческаго, и въ этомъ полагать существенный его характеръ, когда все такъ, отъ духовныхъ до свѣтскихъ правъ Папы, отъ богодарованныхъ правъ Іерархіи отпускать грѣхи до индульгенцій, освящено авторитетомъ по видимому установленій Божественныхъ, когда на католической почвѣ выросли іезуитство и инквизиція, едва не съ Божественнымъ полномочіемъ и нечеловѣческою жестокостію преслѣдовавшія и истреблявшія огнемъ и мечемъ самыя естественныя проявленія человѣческой личности не только въ сферѣ религіозной, но и научной,—учрежденія, старавшіяся заковать въ мнимо-законныя рамки клерикальныхъ учрежденій всякую человѣческую мысль и чувство. Какъ ни бросается въ глаза такое явное противорѣчіе между нашимъ взглядомъ и фактами исторіи; но если отъ явленій римско-католической практики правильно переходить къ ихъ причинѣ, отъ римскаго церковнаго устройства и вѣроученія—къ внутреннимъ мотивамъ ихъ; то нельзя не видѣть, что и указанное нами противорѣчіе именно находить себѣ разрѣшеніе въ ложномъ началѣ, положенномъ въ основаніе латинства, что замѣчаемое нами въ позднѣйшей исторіи церкви римско-католической подавленіе всѣхъ свободныхъ проявленій человѣческой мысли и воли въ области гражданской и научной именно произошло отъ прикры-

тія авторитетомъ неизмѣнной истинности — чѣмъ можетъ быть только истина Божественная—того, что—какъ человѣческое—можетъ измѣняться и никогда не должно облекаться божественнымъ авторитетомъ, что установленіямъ, развившимся на почвѣ человѣческой, римская іерархія придала значеніе постановленій богопреданныхъ, вообще, — что много человѣческаго она облекла авторитетомъ Божественнаго. Отъ чего и какимъ образомъ развилось такое направление римской церкви, точно опредѣлить это также трудно, какъ указать элементы, изъ коихъ путемъ исторіи слагается гражданская или нравственная фізіономія народа. Не берясь за рѣшеніе такой трудной задачи, мы возьмемъ римско-католичество уже въ той порѣ его развитія, когда оно проявилось папствомъ, которое съ одной стороны служить самымъ рельефнымъ выраженіемъ римскаго христіанства, съ другой—дало ему, особенно въ ученіи и устройствѣ церкви, всего болѣе развитыхъ въ католичествѣ, совершенно новое, своеобразное направленіе. Отъ него уже мы перейдемъ потомъ къ другимъ сторонамъ римско-католической системы.

Папство въ существѣ своемъ есть явленіе чисто историческое. Не догматическія въ самомъ дѣлѣ основанія, не преемство отъ Апостола Петра, сколько бы ни доказывали это римскіе католики, возвели Римскаго епископа въ главу церкви. Обстоятельства, способствовавшія возвышенію Папѣ и утвержденію ихъ власти очень извѣстны; это: географическое положеніе римской апостольской катедры, единственной на западѣ, удаленность ея отъ императорской власти, ослаблявшей въ другихъ церквахъ вліяніе власти духовной, преданія, соединенныя у западныхъ народовъ съ языческимъ и христіанскимъ Римомъ, отъ котораго многіе изъ нихъ сверхъ того приняли христіанство, національное значеніе римскихъ епископовъ, а также нравственное и гражданское вліяніе, сначала очень благотворное, на Италію, утвержденіе за римскимъ епископомъ пра-

ва самодержавнаго владѣнія церковною областію и т. п. Но какъ явленіе историческое, фактическая власть и значеніе римскаго епископа, какъ могли произойти по требованію историческихъ обстоятельствъ, точно такъ же могли и должны были со временемъ и кончиться по тому же требованію исторической жизни. Это конечно могли предвидѣть и римскіе епископы и отчасти уже видѣли исполненіе этого историческаго закона въ постепенномъ возвышеніи, хотя и не столь сильномъ, значенія епископа Константинопольскаго. Нужно было, очевидно, утвердить историческое значеніе римскаго епископа на чемъ либо вѣчномъ и неизмѣнномъ, а для этого всего лучше могла послужить религіозная санкція этой власти. Такъ, дѣйствительно, и было. По мѣрѣ того, какъ возрастали власть и могущество Папъ путемъ исторіи, самостоятельность ихъ дѣйствій и независимость ихъ положенія: возрастало и выяснялось въ умахъ римскихъ первосвященниковъ и догматическое ихъ значеніе, сообразно съ этимъ въ церковной канонизаціи они переходили изъ епископа епископовъ въ намѣстника Апостола Петра, намѣстника Іисуса Христа, видимую главу церкви, доколѣ на высотѣ своего дѣйствительнаго духовнаго и гражданскаго могущества совершенно не прикрыли себя божественнымъ авторитетомъ непогрѣшимости. Слѣдя исторію папства, можно находить полную параллель между историческимъ возрастаніемъ его значенія и догматической санкціи; времена бѣдствій для Италіи и опасностей для власти папъ именно были временами, когда они всего менѣе настаивали на признаніи безусловнаго, вселенскаго своего авторитета, такъ что моменты утвержденія главенства Папы и потомъ непогрѣшимости его (при Григоріѣ VII) совпадаютъ съ утвержденіемъ за папами владѣнія церковною областію (въ 9 в.) и верхомъ ихъ церковнаго и гражданскаго могущества (въ XII в.). Такимъ образомъ видимъ, что явленіе чисто историческое перестало уже быть тѣмъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, т. е., явле-

ніемъ человѣческимъ, могущимъ слѣд. измѣняться и даже совершенно прекращаться по требованію тѣхъ же историческихъ обстоятельствъ, которыя и создали его, и отнесло себя къ числу истинъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ, т. е., бо-гооткровенныхъ догматовъ.

Начало человѣческое, положенное так. обр. во главѣ церкви, произвело, естественно, сообразныя съ своимъ характеромъ измѣненія, какъ въ исторіи, такъ равно въ устройствѣ и жизни Римской церкви. Прежде всего, какъ явленіе историческое, папство должно было войти въ самую близкую связь съ историческою жизнію запада и вмѣстѣ съ собою вдвинуло въ нее и всю церковь. Дѣйствуя на общественную жизнь народовъ, католичество и само въ свою очередь должно было получать взаимное воздѣйствіе со стороны историческаго хода жизни. Отъ этого и произошло, что оно перенесло гражданскія ея формы въ свое церковное устройство, во времена господства феодализма учреждая своихъ духовно-гражданскихъ вассаловъ епископовъ и аббатовъ, во времена рыцарства учреждая свои духовно-рыцарскіе ордена, во времена страшнаго на западѣ развитія цеховъ и монополій — многочисленные монашескіе ордена, бравшіе также у Папы въ монополию различные церковныя обѣты, кто—проповѣди, кто—педагогіи и истребленія еретиковъ, но всѣ вообще—обѣты служенія папскимъ интересамъ, такъ сказать, духовно-мірскіе.

Далѣе — сдѣлавшись видимой главой церкви, папы естественно и церковь сдѣлали видимою по преимуществу церковію и сообразно съ этимъ должны были дать ей устройство по преимуществу съ внѣшней, видимой, человѣческой ея стороны: матеріальныхъ средствъ, внѣшняго могущества, прочности управленія, церковныхъ узаконеній и т. п. И дѣйствительно, къ этому они направили все ея устройство. Возникши на развалинахъ римской монархіи, папство перенесло въ церковное управленіе римскую администрацію и развило въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ

централизацію всѣхъ силъ церкви. Централизуя естественныя, внѣшнія средства, римская церковь точно такъ же централизовала и благодатныя силы церкви; поэтому на стоящихъ ближе къ духовному центру, каковы епископы, или кардиналы—даже не Епископы, она перенесла большее количество силъ и средствъ,—перенесла благодатныя права низшихъ чиновъ церкви, лишивши ихъ послѣднихъ напр. даннаго, по преданію всей церкви, священникамъ права муропомазывать. Спускаясь ниже, этотъ же духъ мірской централизаціи, притягивавшій къ верховной главѣ всѣ силы церкви, положилъ самую рѣзкую и не проходимую границу между духовенствомъ и мірянами, предоставивши исключительно и единственно первому всѣ церковныя права, лишивши мірянъ всякаго права участвовать въ управленіи церкви, въ ученіи, лишивши ихъ даже права читать слово Божіе, въ самомъ принятіи Евхаристіи римская іерархія провела рѣзкую черту между собой и мірянами, лишивши послѣднихъ принятія Евхаристіи подъ обоими видами. Провести такую рѣзкую грань нужно было папамъ для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ вести свою гражданскую борьбу; для этого они рѣшились даже прервать у низшаго духовенства самыя естественныя связи его съ міромъ, запретивши ему вступать въ супружество. Отсюда постановленіе римской церкви о безбрачій духовенства. И такъ какъ папы догматизировали свою власть; то и всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, вызываемымъ обыкновенными человѣческими соображеніями и далеко даже не безкорыстными расчетами, они придали значеніе постановленій неизмѣнныхъ, богопреданныхъ. Вслѣдствіе этой то централизаціи и явилась римская церковь столь могущественною и блестящею съ внѣшней своей стороны, крѣпко опутавши весь западный міръ непрерывною цѣпью своихъ учрежденій, съ механическою аккуратностью и быстротою двигавшихся по манію Рима. Этимъ то и объясняются огромные успѣхи римско-католическаго миссіо-

нерства и пропаганды, вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства разширявшихъ, при помощи огромныхъ внѣшнихъ средствъ, предѣлы панской власти и рождавшихъ духовныхъ сыновъ папы.

Сдѣлавшись въ лицѣ главы своего и вслѣдствіе этого по преимуществу видимою, Римская церковь употребляла и средства для поддержанія своей власти чисто внѣшнія, человѣческія, совершенно позабывъ о присутствіи Божіемъ въ церкви, вслѣдствіе котораго единственно врата адава и не одолѣютъ ея. Сдѣлавши, по своему характеру видимости, видимую принадлежность къ церкви и безусловную механическую покорность всѣмъ клерикальнымъ установленіямъ единственнымъ средствомъ спасенія, Римская церковь рѣшилась отнять у своихъ членовъ самую возможность отпаденія отъ нея и для этого то она ввела іезуитство и инквизицію, уничтожавшія всякую самостоятельность въ членахъ церкви. „Народъ въ Римской церкви, по словамъ Кирѣевского, (11-й томъ), не долженъ былъ мыслить, не долженъ былъ понимать Богослуженія, не долженъ даже читать священнаго Писанія. Онъ долженъ былъ только слушать не понимая, и слушаться не разсуждая.“

При такомъ положеніи дѣлъ, при которомъ, по словамъ того автора „всякое самобытное мышленіе, искренно и естественно возникавшее въ Римской церкви, обращалось въ оппозицію противъ ея іерархіи,“ не могло уже быть, конечно, въ церкви самостоятельнаго, сознательнаго и искренняго усвоенія христіанства, которое всегда пріобрѣтается людьми только путемъ внутренней работы, собственнаго размышленія и проникновенія всѣми силами души въ истины христіанства, а не—внѣшняго безучастнаго, механическаго только воспріятія того, что намъ говорится. Римскія іерархія, нужно сказать правду, мало заботилась объ этомъ. Она ограничивалась внѣшнимъ подчиненіемъ себѣ своихъ членовъ, налагая на всѣ стороны ихъ жизни: общественную, научную и т. д. выработанныя свои

клерикальныя формы жизни. Такъ выразилось преобладаніе въ римской церкви человѣческаго элемента въ церковномъ управленіи. Явленіе историческое она возвела на степень догмата; установленіямъ, сдѣланнымъ по обыкновеннымъ человѣческимъ расчетамъ, придала значеніе установленій священныхъ, и наконецъ въ послѣднихъ своихъ результатахъ совершенно удалила сыновъ своихъ отъ единенія съ Божественнымъ своимъ началомъ, замѣнивши это внѣшнимъ единеніемъ съ іерархіею и безотчетнымъ повиновеніемъ всѣмъ ея установленіямъ. Нечего и говорить при этомъ, что голосъ паствы могъ вызывать на нее только однѣ недоброжелательства со стороны папскаго престола.

Инымъ образомъ выразилось тоже начало въ римскомъ ученіи о благодати. Отвергнувъ ученіе Пелагія, Римская церковь не отказалась однако вполне отъ его взглядовъ, и ученіе объ отношеніяхъ благодати къ человѣку приняло въ ней полу-пелагіанскій характеръ, вслѣдствіе котораго дѣйствія самаго человѣка получили слишкомъ большое значеніе въ дѣлѣ спасенія. Основаніе для этого заключается въ понятіи римскихъ Богослововъ о первородномъ грѣхѣ. По ихъ ученію, онъ состоитъ не въ поврежденіи и разстройствѣ всѣхъ силъ человѣка, а только въ нѣкоторомъ ихъ ослабленіи и уменьшеніи, вслѣдствіе преобладанія тѣла и въ потерѣ сверхъестественнаго дара первоначальной святости и праведности, которыми надѣлилъ Богъ праотцевъ; тогда какъ первоначальная природа съ своими силами (*pura naturalia*, какъ гов. схоластики, или какъ у Мелера: человѣкъ въ своей голой сотворенности) осталась въ сущности своей неизмѣнною; первородный грѣхъ такъ обр. заключается преимущественно въ тѣлѣ, подавляющемъ дѣйствія души и въ отступленіи отъ падшаго человечества благодати. Этимъ то отчасти и объясняется явленіе у католиковъ догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери: какъ скоро благодать Божія приступила къ благодатной Маріи, по душѣ чистой, въ самый моментъ ея

зачатія, она тѣмъ самымъ уничтожила въ ней первородный грѣхъ, очистивши ее отъ тѣлесной скверны и привела ее въ состояніе Адама до паденія. Въ Крещеніи, по римскому ученію, совершенно потребляется первородный грѣхъ, и не только слагается вина предъ Богомъ, но уничтожается въ немъ все грѣховное, остаются въ немъ только чувственные пожеланія и возможность грѣха. Сообразно съ такимъ понятіемъ о силахъ христіанина, римская церковь наложила на него слишкомъ тяжелое иго, подчинивши его соблюденію огромнаго числа внѣшнихъ, такъ сказать—формальныхъ дѣлъ благочестія и исполненію ихъ приписала значеніе, условливающее почти спасеніе. Въ этомъ отношеніи она дошла до понятій и требованій чисто-іудейской праведности. Всю внѣшность Богослуженія она подчинила множеству обрядовъ, точно, до мелочей рассчитанныхъ и опредѣленныхъ и всѣмъ имъ придала роковой смыслъ. „Малѣйшее уклоненіе отъ установленныхъ обрядовъ, крестныхъ знаменій, тѣлодвиженій, даже ошибки въ произношеніи таинственныхъ словъ молитвы: *hoc est corpus Meum*, опущеніе ненамѣренное нѣкоторыхъ словъ считались смертными грѣхами, которые упомянутся на страшномъ судѣ (*). Дѣла человѣка, даже внѣшніе подвиги его: исполненіе папскихъ приказаній и т. п. имѣютъ такую силу въ дѣлѣ спасенія, что за участіе напр. въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ или Альбигойцевъ Папы рѣшительно объявляли и обѣщали своимъ послушнымъ сынамъ вѣчное спасеніе, независимо отъ ихъ внутренняго религіознаго состоянія и вѣры въ Искупителя. Христіанинъ, по ученію Римской церкви, владѣетъ такимъ богатствомъ силъ, что можетъ даже переступать границы христіанскаго совершенства, можетъ входить своими подвигами на такую нравственную высоту, приходитъ въ такую мѣру возраста исполненія Христова, что у него могутъ оставаться

(*) Гуссъ и Лютеръ Новикова. Т. 1 стр. 128.

дѣла благочестія, лишнія для его собственнаго спасенія, подвиги ненужные ему для собственнаго благоугожденія Богу. Так, обр. Целагіанскій взглядъ на человѣка римской церкви, какъ ни стараются отвергнуть его римскіе Богословы, привелъ римскую церковь къ самому характеристическому для нея ученію о сверхъдолжныхъ дѣлахъ Святыхъ, которое совершенно невозможно при правильномъ христіанскомъ понятіи объ отношеніи благодати къ свободнымъ силамъ человѣка.—Корыстные, конечно, расчеты папъ изъ этой сокровищницы добрыхъ дѣлъ сдѣлали человѣческое употребленіе, превративши ее посредствомъ индульгенцій въ денежную сокровищницу; но основаніе и для такого злоупотребленія заключается въ общемъ взглядѣ Римской церкви на усвоеніе человѣку спасенія. Мы уже выше сказали, что дѣламъ человѣка—*ex opere operato* она усволяетъ очень большое значеніе, независимо отъ внутренней вѣры въ Искупителя, въ силу заслугъ Его. О послѣднемъ и мало она заботится, отнимая, какъ мы сказали, возможность и средства дѣятельнаго усвоенія себѣ христіанства. Въ этомъ случаѣ римская церковь смотритъ на усвоеніе людямъ таинства искупленія чисто юридически, формально. Такой формальный взглядъ выражаетъ римская церковь, напр. перенося изъ сокровищницы добрыхъ дѣлъ извѣстную ихъ частицу—смотря по по цѣнности вкладовъ—на умершихъ для избавленія отъ чистилищнаго огня и на живыхъ; не спрашивая много о внутреннемъ ихъ религіозномъ состояніи, какъ она дѣлаетъ это при раздачѣ индульгенцій. И точно такъ же, какъ за принятіе креста противъ невѣрныхъ или еретиковъ можно было, безъ внутреннихъ подвиговъ и внутренняго усовершенствованія, по словамъ папъ, получать спасеніе,—точно такъ же, это уже не далеко отъ перваго, за пожертвованія въ пользу церкви, можно было получать разрѣшеніе и въ прошедшихъ и будущихъ грѣхахъ, помимо ревностнаго о томъ старанія самихъ жертвователей. Въ томъ

и другомъ случаѣ за условіе спасенія берется одна наружная сторона дѣла, внѣшній фактъ, независимо отъ внутренняго состоянія души. До такихъ крайностей довели римскій престолъ человѣческія страсти и корыстные расчеты, прикрытые авторитетомъ папскаго главенства. Истому католику остается только слѣпо повиноваться установленіямъ іерархіи и механически исполнять ихъ; дѣятельно самому усвоить начала Божественной вѣры ему не усиливаются поставить въ обязанность, или по крайней мѣрѣ дается римскою церковію случай обходиться и безъ этого. За него мыслить и богословствуетъ іерархія, рѣшая въ лицѣ своей главы всѣ вопросы. Римскому католику можно было даже уклониться и отъ того, чтобы переводить въ жизнь и дѣятельность христіанскія истины, потому что, по его вѣрованію, въ сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ всегда можно было взять для себя извѣстную долю ихъ.

Мы доселѣ прослѣдили рядъ установленій римской церкви и видѣли, что однѣ изъ нихъ образовались путемъ историческимъ, другія были плодомъ чисто человѣческихъ соображеній и расчетовъ. Какимъ же способомъ римская церковь придала имъ высшій смыслъ и облекла ихъ характеромъ высшей истинности? Здѣсь послужилъ ей съ успѣхомъ тотъ самый приѣмъ богословствованія, противъ котораго въ послѣдствіи времени пришлось ей, хотя и безуспѣшно, дѣйствовать всѣми силами церкви,—это направленіе раціоналистическое или разсудочное; оно состоитъ въ томъ (въ отношеніи къ римской церкви), что извѣстная мысль не выводится изъ откровеннаго ученія, не берется изъ него прямо и непосредственно, а заимствованная, почерпнутая изъ другихъ источниковъ, данная отъбинуду, подводится только подъ букву Писанія и потомъ выдается за истину вѣчную, Божественную. По такому именно направленію развилась вся схоластика средневѣковая, стремившаяся къ тому, чтобы всѣ истины откровенной религіи вывести изъ началъ разума, основать ихъ истинность на

разсудочныхъ выводахъ и чрезъ это примирить откровеніе съ разумомъ или наоборотъ. Здѣсь, очевидно, главную роль играетъ выводъ разума, прикрываемый потомъ авторитетомъ Божественнаго откровенія. Этимъ то и объясняется, какимъ образомъ разсудочная философія Аристотеля могла получить у римскихъ Богослововъ значеніе наравнѣ съ св. Писаніемъ. Папы имѣли впрочемъ и свои личныя побужденія поддерживать такое направленіе; потому что теорія папской власти ничѣмъ не можетъ быть лучше доказана и оправдана, какъ выводами разсудка, который стремится къ сосредоточенію понятій въ единствѣ и этимъ своимъ стремленіемъ можетъ объяснять необходимость видимой главы христіанства въ лицѣ одного человѣка. И поэтому силлогизмъ или выводъ разума сдѣлался основаніемъ римской догматики. Такимъ именно путемъ развилась вся совокупность идей, отличающихъ римское католичество отъ истиннаго каѳоличества, т. е. отъ Православія. Существуетъ какое нибудь частное религіозное мнѣніе, его желательно возвести на степень богопреданной истины; въ такомъ случаѣ къ готовому положенію Богословы подыскиваютъ, что называется, мѣста изъ св. Писанія и преданія и какъ будто изъ нихъ выводятъ, на самомъ дѣлѣ напередъ уже данное, положеніе. Чтобы ясно видѣть это, возьмемъ хотя одинъ догматъ о главенствѣ Папы. Фактическая власть Папы уже существовала, (разумѣется не въ такомъ обширномъ смыслѣ); нужно было утвердить ее на Богооткровенномъ ученіи и конечно возвысить. И вотъ римскіе Богословы находятъ мѣста въ Писаніи, изъ которыхъ потомъ посредствомъ силлогизмовъ и натяжекъ и выводятъ главенство папы, нисколько не справляясь при составленіи извѣстнаго ряда посылокъ—отъ главенства Петра къ главенству Папы—ни съ преданіемъ, ни съ живымъ гѣлосомъ вселенской церкви, и подобно тому, какъ протестанты отвергли въ послѣдствіи времени католическія преданія, а вмѣстѣ съ ними отчасти и вселенскія, и

римскіе католики въ свою очередь, когда имъ было нужно это, еще прежде ихъ отвергли преданіе вселенское и помимо его утвердили догматическую власть папы на логическихъ выводахъ, и чтобы сильнѣе подѣйствовать на наивныя умы западныхъ народовъ присочинили свои преданія, въ родѣ лже-исидоровскихъ декреталій, или преданій напр. о томъ, будто Константинъ В. уступилъ папѣ Сильвестру половину своей имперіи.—Католическій раціонализмъ отличается отъ протестантскаго только тѣмъ, что въ римской церкви дозволенъ онъ одному только папѣ, тогда какъ въ протестантствѣ пользуется имъ каждый членъ церкви.

Наконецъ и Богослуженіе римской церкви во всемъ своемъ устройствѣ служить также выраженіемъ основного указаннаго нами характера католичества. Ни одно Богослуженіе не отличается такимъ блескомъ торжественности и пышностью, какъ римско-католическое. Въ немъ соединены всѣ средства, которыми люди хотятъ подѣйствовать на подобныхъ себѣ: и пластика и музыка, и таинственное освѣщеніе храмовъ, въ нѣкоторомъ родѣ даже сценическія представленія священныхъ событій, короче все, чѣмъ дѣйствуютъ обыкновенно люди на людей, когда искусственнымъ способомъ хотятъ произвести въ нихъ сильную аффектацію. Отъ этого католическое Богослуженіе получаетъ слишкомъ человѣческій характеръ, оно не столько возвышаетъ людей къ Божественному, сколько останавливаетъ на самомъ себѣ, приковывая ихъ вниманіе на наружной блестящей своей обстановкѣ. Съ другой стороны и въ Богослуженіи повторилась и та общая черта, что католичество человѣческому придаетъ высшій смыслъ; такимъ образомъ латинскій переводъ Библии (Вульгата) оно признало Богодухновеннымъ, и потому не позволяетъ употреблять другого текста, равно какъ и языка, кромѣ латинскаго, наложивши авторитетъ неизмѣнности на самую форму человѣческаго слова.

Такимъ образомъ римское католичество во всей своей

системъ выражаетъ одинъ характеръ, преобладаніе чело-
вѣческаго элемента; въ церковномъ управленіи оно выра-
зилось папствомъ; въ догматикѣ — рационализмомъ іерар-
хическимъ, въ ученіи о нравственности — полупелагиан-
ствомъ, наконецъ въ Богослуженіи — челоѣческою аффе-
ктаціей и пышностію. А въ результатъ всей системы ка-
толичества выходитъ, что оно, вслѣдствіе стремленія къ
видимому единству церкви, увеличенію ея средствъ, вообще
вслѣдствіе челоѣческихъ соображеній, удалило сыновъ
своихъ отъ единенія съ Божественнымъ началомъ церкви,
вмѣсто Библіи давши имъ въ руки книги схоластиковъ,
вмѣсто внутренняго единенія съ Іисусомъ Христомъ ду-
хомъ вѣры и любви — исключительно требуя слѣпаго по-
виновенія іерархіи, вмѣсто вѣры въ искупленіе и благо-
дать обрекая ихъ на суровые подвиги и требуя удовле-
творенія за грѣхи (католическія епитиміи) или освобожденія
отъ нихъ посредствомъ индульгенцій.

Өед. Елеонскій.

(Окончаніе въ слѣд. №).

СОДЕРЖАНІЕ № 8.

I. Высочайшій Манифестъ о совершеннѣлтіи Его Император-
скаго Высочества Великаго Князя Владиміра Алексан-
дровича и о принесеніи Имъ присяги. II. Распоряженіе Св. Синода
о введеніи преподаванія началъ педагогики въ училищахъ двѣицъ дух-
званія. III. Мѣстныя распоряженія: о разсылкѣ и прочтеніи вышеприве-
деннаго Высочайшаго Манифеста; о совершеніи благодарственнаго молеб-
ствія по указанному радостному случаю; о заведеніи лѣтописей при цер-
квахъ; о пожертвованіяхъ на дѣло возстановленія Христіанства на Кавказѣ.
IV. Высочайшая Грамата съ пожалованіемъ Епископу Ковенскому Алек-
сандру знаковъ Ордена св. Анны 1-й степени, украшенныхъ Императорскою
Короною. V. Всеподданнѣйше письмо Москов. Митрополита по слушанію
Высочайшаго прибытія въ Москву. VI. Слово на день Св. Виденскихъ
Мучениковъ, — Свящ. Николая Дмитревскаго. VII. О Характерѣ Православія
въ сравненіи съ римскимъ-католичествомъ и протестантствомъ.

Печатать дозволяется. Ректоръ Литовск. Дух. Семинаріи Архиманд. ІОСИФЪ.

15—30 Апрѣля 1867 года. Вильна.

Въ Типографіи О. Блюмовича, на Рудницкой улицѣ въ домѣ Огинскаго.